

ВЛАДИМИР

НАБОКОВ

Трагедия господина Морна

Пьесы

Лекции о драме

Полюс
Владимир Набоков

Аннотация
ПОЛЮС
Примечания

Аннотация

Первый вариант драмы был завершен 8 июля 1923 г. в Домэн де Больё. В апреле 1924 г., в Берлине, перед публичным чтением «Полюса» на очередном заседании Союза русских театральных работников, Набоков сделал его новую редакцию.

ПОЛЮС

…He was a very gallant gentleman{1}.

Из записной книжки капитана Скотта

{1} Комментарии: 1.1

…*He was a very gallant gentleman.* — «Он был очень мужественным человеком» (англ.). Художественное преображение реальных записей Скотта начинается уже с эпиграфа, в котором, как заметила М. Маликова (см.: Н1. С. 807), Набоков совмещает следующую запись от 16/17 марта 1912 г. относительно решения Отса уйти из группы, чтобы не быть обузой оставшимся: «He was a brave soul»; «… it was the act of a brave man and an English gentleman» (Scott's Last Expedition. P. 462: «Он был храбрым человеком»; «…это был поступок смелого человека и английского джентльмена») с эпитафией на памятнике, воздвигнутом поисковой партией на месте предполагаемой гибели Отса: «Hereabouts died a very gallant gentleman…» (Ibid. P. 468: «Рядом с этим местом скончался очень мужественный человек…»)

Драма в одном действии

Внутренность палатки. Четыре фигуры: капитан Скэт, по прозванию «Хозяин», и Флэминг полусидят, Кингсли и Джонсон спят, с головой закутавшись. У всех четверых ноги в меховых мешках.

ФЛЭМИНГ:

Двенадцать миль всего, — а надо ждать...
Какая буря!.. Рыщет, рвет... Все пишешь,
Хозяин?

КАПИТАН СКЭТ:

(перелистывая дневник)

Надо же...
Сегодня сорок
четыре дня, как с полюса обратно
идем мы, и сегодня пятый день,
как эта буря держит нас в палатке

без пищи[{2}]*…*

ДЖОНСОН:

(спросонья)

Ох…

КАПИТАН СКЭТ:

Проснулся? Как себя
ты чувствуешь?

ДЖОНСОН:

Да ничего… Занятно…
Я словно на две части разделен:
одна — я сам — сильна, ясна; другая —
цинга — все хочет спать… Такая соня…

{2} Комментарии: 1.2

Сегодня сорок / четыре дня, как с полюса обратно / идем мы <…> пятый день <…> без пищи… — Возвращение группы Скотта длилось значительно дольше, с 19 января 1912 г. по конец марта. Последний лагерь был разбит 20 марта, и с этого времени полярники не могли продолжать движение из-за бури. Уилсон и Боуэрс дважды предпринимали попытки выступить к складу. 29 марта Скотт сделал свою последнюю запись в дневнике, в которой говорит, что с 20 марта у них оставалось топлива, чтобы приготовить по две чашки чаю на каждого, и двухдневная пайка (Ibid. P. 464).

КАПИТАН СКЭТ:

Воды тебе не надо?

ДЖОНСОН:

Нет, — спасибо…

И вот еще: мне как-то в детстве снилось, —

запомнилось — что ноги у меня, —

как посмотрел я, — превратились в ноги

слона.

(Смеется.)

Теперь мой сон сбылся, пожалуй.

А Кингсли — как?

КАПИТАН СКЭТ:

Плох, кажется… Он бредил,

теперь — затих.

ДЖОНСОН:

Когда мы все вернемся, —

устроим мы такой, такой обед, —
с индейкою, — а главное, с речами,
речами...

КАПИТАН СКЭТ:

Знаем, — за индейку сам
сойдешь, когда напьешься хорошенько?
А, Джонсон?..
Спит уже...

ФЛЭМИНГ:

Но ты подумай —
двенадцать миль до берега, до бухты,
где ждет, склонив седые мачты набок,
корабль наш... между синих льдин! Так ясно
его я вижу!..

КАПИТАН СКЭТ:

Что же делать, Флэминг...
Не повезло нам. Вот и все...

ФЛЭМИНГ:

И только
двенадцать миль!..
Хозяин, — я не знаю —
как думаешь — когда б утихла буря,
могли бы мы, таща больных на санках,
дойти?{3}*..*

КАПИТАН СКЭТ:

Едва ли…

ФЛЭМИНГ:

Так. А если б… Если б
их не было?

КАПИТАН СКЭТ:

Оставим это… Мало ль,

{3} Комментарии: 1.3

И только / двенадцать миль!.. <…>/ когда б утихла буря, / могли бы мы, таща больных на санках, / дойти?.. — Ср. последнюю запись в дневнике Скотта: «Каждый день мы были готовы идти, — а до склада всего 11 миль, — но нет возможности выйти из палатки, так снег несет и крутит. <…> Мы выдержим до конца, но мы, понятно, все слабеем, и конец не может быть далек» (Дневник капитана Р. Скотта. С. 414).

что можно допустить...
Друг, посмотри-ка,
который час.

ФЛЭМИНГ:

Ты прав, Хозяин... Шесть
минут второго...

КАПИТАН СКЭТ:

Что же, мы до ночи
продержимся... Ты понимаешь, Флэминг,
ведь ищут нас, пошли навстречу с моря, —
и, может быть, наткнутся... А покамест
давай-ка спать... Так будет легче...

ФЛЭМИНГ:

Нет, —
спать не хочу.

КАПИТАН СКЭТ:

Тогда меня разбудишь —
так — через час. Не то могу скользнуть...
скользнуть... ну, понимаешь...

ФЛЭМИНГ:

Есть, Хозяин.

(Пауза.)

Все трое спят... Им хорошо... Кому же
я объясню, что крепок я и жаден,
что проглотить я мог бы не двенадцать,
а сотни миль, — так жизнь во мне упорна.
От голода, от ветра ледяного
во мне все силы собрались в одну
горячую тугую точку... Точка
такая может все на свете...

(Пауза.)

Джонсон,

ты что? Помочь?

ДЖОНСОН:

Я сам — не беспокойся…
Я, Флэминг, выхожу…

ФЛЭМИНГ:

Куда же ты?..

ДЖОНСОН:

Так, — поглядеть хочу я, не видать ли чего-нибудь. Я, может быть, пробуду довольно долго{4}*…*

{4} Комментарии: 1.4

Я, может быть, пробуду / довольно долго… — Набоков под именем Джонсона вывел Лоренса Отса. Ср. запись от 16 марта: «Он (Отс. — А. Б.) в течение многих недель без жалоб переносил жестокие страдания и до самого конца был в состоянии разговаривать о посторонних предметах. <…> Это была бесстрашная душа. Конец же был вот какой: он проспал предыдущую ночь, надеясь не проснуться, однако утром проснулся. <…> Была метель. Он сказал: "Пойду пройдусь. Может быть, не скоро вернусь". Он вышел в метель, и мы его больше не видали. <…> Мы знали, что бедный Отс идет на смерть, и отговаривали его, но в то же время сознавали, что он поступает как благородный человек и английский джентльмен» (Там же. С. 411–412).

ФЛЭМИНГ:

Ты — смотри — в метели
не заблудись...
Ушел... Вот чудо: может
еще ходить, хоть ноги у него
гниют...

(Пауза.)

Какая буря! Вот палатка
дрожит от снегового гула...

КИНГСЛИ:

(бредит)

Джесси,
моя любовь, — как хорошо... Мы полюс
видали, я привез тебе пингвина.
Ты, Джесси, посмотри, какой он гла...
гла... гладенький... и ковыляет... Джес-
си,

ты жимолость{5}*…*

(Смеется.)

ФЛЭМИНГ:

Счастливец… Никого-то
нет у меня, о ком бы мог я бредить…
У капитана в Лондоне жена,
сын маленький{6}*. У Кингсли — вот — невеста,*
почти вдова… У Джонсона — не знаю,
мать, кажется{7}*… Вот глупый, — вздумал тоже*
пойти гулять. Смешной он, право, — Джонсон.

{5} Комментарии: 1.5

…моя любовь/<…> ты жимолость… — Сравнение указывает на одну из поэтических вариаций легенды о Тристане и Изольде — куртуазную новеллу Марии Французской «Жимолость» (к. XII в.), написанную в жанре «лэ». В ней рассказывается о том, как Тристан, разлученный с Изольдой и мучимый любовной тоской, отправляется из Уэльса в Корнуэльс и тайно встречается с Изольдой в лесу. Изольда сравнивается с жимолостью, льнущей к орешнику — Тристану, их разлука символизирует увядание. Вернувшись в Уэльс, Тристан слагает песнь о жимолости (см.: Легенда о Тристане и Изольде. М.: Наука, 1976). Надежность этой отсылки подкрепляется тем, что Тристан в произведениях Набокова — в первую очередь странник, тоскующий по далекой возлюбленной (ср. в стихотворении «Тристан» (1921): «Я странник. Я Тристан. Я в рощах спал душистых / и спал на ложе изо льда…» — Н1. С. 460). Старинной французской литературой Набоков

занимался в Кембридже.

{6} Комментарии: 1.6

У капитана в Лондоне жена, / сын маленький. — В прощальном письме жене, приложенном к дневнику, Скотт просит ее увлечь сына естествознанием и вырастить его сильным человеком (см.: Scott's Last Expedition. P. 475).

{7} Комментарии: 1.7

У Джонсона <…> мать… — Ср. запись Скотта от 16/17 марта 1912 г.: «Последние мысли Отса были о его матери…» (Ibid. P. 461).

Жизнь для него — смесь подвига и шутки,
не знает он сомнений, и пряма
душа его, как тень столба на ровном
снегу... Счастливец... Я же трус, должно быть:
меня влекла опасность, — но ведь так же
и женщин пропасти влекут. Неладно
я прожил жизнь... Юнгой был, водолазом;
метал гарпун в неслыханных морях.
О, эти годы плаваний, скитаний,
томлений!.. Мало жизнь мне подарила
Ночей спокойных, дней благих... И все же...

КИНГСЛИ:

(бредит)

Поддай! Поддай! Так! Молодец! Скорее!
Бей! Не зевай! По голу!.. Отче наш,
иже еси...

(*Бормочет.)*

ФЛЭМИНГ:

...и все же нестерпимо
жить хочется... Да, — гнаться за мячом,
за женщиной, за солнцем, — или проще —
есть, много есть, — рвать, рвать сардинок жирных
из золотого масла, из жестянки...
Жить хочется до бешенства, до боли —
жить как-нибудь...

КАПИТАН СКЭТ:

Что, что случилось? Кто там?
Что случилось?..

ФЛЭМИНГ:

Ничего, Хозяин.
Спокойно все... Вот только Кингсли бредит...

КАПИТАН СКЭТ:

Ох…

Мне снился сон какой-то, светлый, страшный.

Где Джонсон?

ФЛЭМИНГ:

Вышел… Посмотреть хотел он,

не видно ли спасенья.

КАПИТАН СКЭТ:

Как давно?

ФЛЭМИНГ:

Минут уж двадцать…

КАПИТАН СКЭТ:

Флэминг! — что ж ты, право,

не надо было выпускать его…

Но впрочем…

Помоги мне встать, скорей,

скорей… Мы выйдем…

ФЛЭМИНГ:

Я, Хозяин, думал…

КАПИТАН СКЭТ:

Нет, ты не виноват.
Ух, снегу сколько!

Уходят вместе. Пауза.

КИНГСЛИ:

(один, бредит)

Ты не толкай — сам знаю — брось — не нужно
меня толкать…

(Приподнимается.)

Хозяин, Флэминг, Джонсон!
Хозяин!..
Никого… А! Понимаю,
втроем ушли. Им, верно, показалось,
что я уж мертв… Оставили меня,

пустились в путь…

Нет, это шутка! Стойте,

вернитесь же… Хочу я вам сказать…

хочу я вам… А! Вот что значит смерть:

стеклянный вход… вода… вода… все ясно…

Пауза. Возвращаются Капитан и Флэминг.

КАПИТАН СКЭТ:

Вот глупо — не могу ступать.

Спасибо…

Но все равно. Мы Джонсона едва ли

могли б найти… Ты понял, что он сделал?

ФЛЭМИНГ:

Конечно… Ослабел, упал; бессильный,

Звал, может быть… Все это очень страшно…

(Отходит в глубь палатки.)

КАПИТАН СКЭТ:

(про себя)

Нет, — он не звал. Ему лишь показалось,
что он — больной — мешает остальным, —
и вот ушел… Так это было просто
и доблестно… Мешок мой словно камень —
не натянуть…

ФЛЭМИНГ:

Хозяин! Плохо! Кингсли
скончался… Посмотри…

КАПИТАН СКЭТ:

Мой бедный Эрик!
Зачем я взял его с собой? Средь нас
он младший был… Как он заплакал, — помнишь, —
когда на полюсе нашли мы флаг

норвежский... Тело можно тут оставить, —
не трогай...

Пауза.

ФЛЭМИНГ:

Мы одни теперь, Хозяин...

КАПИТАН СКЭТ:

Не надолго, друг мой, не надолго...

ФЛЭМИНГ:

Пурга смолкает...

КАПИТАН СКЭТ:

Знаешь ли — я думал —
вот, например, — Колумб... Страдал он, верно, —
зато открыл чудеснейшие страны,
а мы страдали, чтоб открыть одни
губительные белые пустыни...
И, знаешь, — все-таки так надо...

ФЛЭМИНГ:

Что же,
Хозяин, — не попробовать ли нам?
Двенадцать миль — и спасены…

КАПИТАН СКЭТ:

Нет, Флэминг,
встать не могу…

ФЛЭМИНГ:

Есть санки…

КАПИТАН СКЭТ:

Не дотащишь —
тяжелый я. Здесь лучше мне. Здесь тихо.
Да и душа тиха, — как воскресенье
в шотландском городишке… Только ноги
чуть ноют, — и бывают скучноваты
медлительные воскресенья наши…

Жаль, — шахмат нет. Сыграли бы…

ФЛЭМИНГ:

Да, жалко…

КАПИТАН СКЭТ:

Послушай, Флэминг, — ты один отправься…

ФЛЭМИНГ:

Тебя оставить здесь? И ты так слаб…

Сам говоришь, что ночь едва ли можешь…

КАПИТАН СКЭТ:

Иди один. Я так хочу.

ФЛЭМИНГ:

Но как же…

КАПИТАН СКЭТ:

Я дотяну, я дотяну… Успеешь

прислать за мной, когда достигнешь бухты.
Иди! Быть может, даже по дороге
ты наших встретишь. Я хочу, иди же...
Я требую...

ФЛЭМИНГ:

Да, — я пойду, пожалуй...

КАПИТАН СКЭТ:

Иди... Что ты возьмешь с собою?

ФЛЭМИНГ:

Санок
не нужно мне, — вот только эти лыжи
да палку...

КАПИТАН СКЭТ:

Нет, постой, — другую пару...
Мне кажется, запяточный ремень
на этой слаб...

Прощай... Дай руку... Если —
нет, — все равно...

ФЛЭМИНГ:

Эх, — компас мой разбит...

КАПИТАН СКЭТ:

Вот мой, бери...

ФЛЭМИНГ:

Давай...
Что же, я готов...
Итак, — прощай, Хозяин, я вернусь
с подмогой, завтра к вечеру, не позже...

КАПИТАН СКЭТ:

Прощай.

Флэминг уходит.

Да, — он дойдет... Двенадцать миль...
К тому же пурга стихает...

(Пауза)

Помолиться надо…

Дневник, — вот он, смиренный мой и верный

молитвенник… Начну-ка с середины…

(Читает.)

"Пятнадцатое ноября; луна

горит костром; Венера, как японский фонарик[{8}]*…"*

(Перелистывает)

"Кингсли — молодец. Все будто

играет, — крепкий, легкий… Нелады

с собачками: Цыган ослеп, а Рябчик

исчез: в тюленью прорубь, вероятно,

{8} Комментарии: 1.8

…луна / горит костром; Венера как японский / фонарик… — Запись от 19 июля 1911 г.: «Мы наблюдали очень странные проявления небесных тел <…> Примерно в середине зимы луна появилась сильно искаженной по форме и кроваво-красного цвета. Ее можно было принять за красную сигнальную ракету или за пламя дальнего костра, но никак не за луну. Вчера Венера предстала подобным образом — как судовой отличительный огонь или японский фонарик» (Ibid. P. 279).

попал{9}*...*

Сочельник: по небу сегодня

Aurora borealis{10} *раздышалась..."*

(Перелистывает)

"Февраль, восьмое: полюс. Флаг норвежский

торчит над снегом... Нас опередили{11}*.*

Обидно мне за спутников моих.

Обратно..."

(Перелистывает)

"Восемнадцатое марта.

Плутаем. Санки вязнут. Кингсли сдал.

Двадцатое: последнее какао

{9} Комментарии: 1.9

...Цыган ослеп, а Рябчик / исчез: в тюленью прорубь, вероятно, / попал... — Береговая партия шла на русских собаках, доставленных из Владивостока. В «Scott's Last Expedition» дается список собак, среди которых есть и Цыган и Рябчик. О снежной слепоте собак Скотт пишет 10 января 1911 г., Цыгана упоминает 20 марта 1911 г., Рябчика — 11 февраля 1911 г. и 19 апреля 1911 г., заметив, что он выглядит хуже остальных. Потерялся же другой пес — Жулик, о чем Скотт сделал запись от 29–30 июля 1911 г.: «Одна из наших лучших ездовых собак, Жулик, пропала. <...> Мирз <...> полагает, что пес попал в тюленью прорубь или расселину. <...> Это ужасная неприятность» (Ibid. P. 281).

{10} Комментарии: 1.10

Aurora borealis — Северное сияние (лат.). Д. В. Набоков указал, что в рукописи вначале было правильное «Aurora australis» (Южное полярное сияние), но автор заменил его термином, более известным в России

(N84. P. 11). Описанию этого явления Скотт посвятил небольшую и очень красочную заметку на страницах своего дневника (запись от 21 мая 1911 г.), а также сделал конспект лекции метеоролога Симпсона «Солнечные короны, ореолы, радуги и Южное полярное сияние» (запись от 3 мая 1911 г.).

{11} Комментарии: 1.11

«Февраль, восьмое: полюс. Флаг норвежский <…> */Нас опередили.»* — Группа Скотта обнаружила след норвежцев еще задолго до полюса, и надежда их стать первооткрывателями таяла по мере приближения к нему; 16 января 1912 г. Скотт записал: «Вся история как на ладони: норвежцы нас опередили, — первые достигли полюса. Ужасное разочарование, и мне больно за моих верных товарищей. <…> Конец всем нашим мечтам; печальное будет возвращение» (Дневник капитана Р. Скотта. С. 370). 17 января Скотт записывает: «Полюс. <…> Отвратительный день: к нашим разочарованиям добавился встречный ветер…» (Scott's Last Expedition. P. 424).

и порошок мясной… Болеют ноги
у Джонсона{12}*. Он очень бодр и ясен.*
Мы все еще с ним говорим о том,
что будем делать после, возвратившись".
Ну, что ж… Теперь прибавить остается —
Эх, карандаш сломался…
Это лучший
конец, пожалуй{13}*…*
Господи, готов я.
Вот жизнь моя, как компасная стрелка,
потрепетав, на полюс указала,

{12} Комментарии: 1.12

Болеют ноги у Джонсона. <…> возвратившись. — Запись от 7 марта 1912 г.: «Наутро одна нога у Отса очень плоха <…> он удивительно стоек. Всё говорим с ним о том, что будем делать, когда вернемся домой» (Ibid. P. 457).

{13} Комментарии: 1.13

…эх, карандаш сломался… Это лучший / конец, пожалуй… — Этот мотив найдет развитие в «Приглашении на казнь» (1936) Набокова, где, как заметил Г.Барабтарло, приближение смерти Цинцинната соотнесено с убыванием карандаша, которым он делает записи: «Он зачеркивает это слово (смерть) своим сделавшимся теперь "карликовым" карандашом, который уже трудно держать и совсем невозможно очинить наново» (Г.Барабтарло. Сверкающий обруч. О движущей силе у Набокова. СПб.: Гиперион, 2003. С. 49–50).

и этот полюс — Ты…

На беспредельных

Твоих снегах я лыжный след оставил.

Все. Это все.

(Пауза.)

А в парке городском,

там, в Лондоне, с какой-нибудь игрушкой, —

весь солнечный, — и голые коленки…

Потом ему расскажут…

(Пауза.)

Тихо все.

Мне мнится: Флэминг по громадной глади

идет, идет… Передвигая лыжи

так равномерно, — раз, два… Исчезает…

А есть уже не хочется… Струится

такая слабость, тишина по телу…

(Пауза.)

И, вероятно, это бред… Я слышу…

я слышу… Неужели же возможно?
Нашли, подходят, это наши, наши…
Спокойно, капитан, спокойно… Нет же,
не бред, не ветер. Ясно различаю
скрип по снегу, движенье, снежный шаг.
Спокойно… Надо встать мне… Встретить…
Кто там?

ФЛЭМИНГ:

(входит)

Я, Флэминг…

КАПИТАН СКЭТ:

А!.. Пурга угомонилась,
не правда ли?..

ФЛЭМИНГ:

Да, прояснилось. Тихо…

(Садится.)

Шатер-то наш сплошь светится снаружи —

опорошен…

КАПИТАН СКЭТ:

Есть ножик у тебя?
Мой карандаш сломался. Так. Спасибо.
Мне нужно записать, что ты вернулся.

ФЛЭМИНГ:

Добавь, что Джонсон не вернулся.

КАПИТАН СКЭТ:

Это
одно и то же…

Пауза.

ФЛЭМИНГ:

Наш шатер легко
заметить, — так он светится…
Да, — кстати —
про Джонсона: наткнулся я на тело
его. Ничком зарылся в снег, откинув
башлык…

КАПИТАН СКЭТ:

Я к сожаленью замечаю,
что больше не могу писать[{14}]*... Послушай,*
скажи мне, — отчего ты воротился...

ФЛЭМИНГ:

Да я не мог иначе... Он лежал
так хорошо, — так смерть его была
уютна. Я теперь останусь...

КАПИТАН СКЭТ:

Флэминг,
ты помнишь ли, как в детстве мы читали
о приключеньях, о Синдбаде, — помнишь?

{14} Комментарии: 1.14
Я, к сожаленью, замечаю, / что больше не могу писать... — запись от 29 марта, которой оканчивается дневник Скотта: «It seems a pity, but I do not think I can write more» (Scott's Last Expedition. P. 464).

ФЛЭМИНГ:

Да, помню.

КАПИТАН СКЭТ:

Люди сказки любят, — правда?

Вот мы с тобой — одни, в снегах, далеко…

Я думаю, что Англия…

Занавес

6–8 июля 1923

Примечания

Полюс Драма в одном действии

Впервые: Руль. 1924. 14 августа; 16 августа.

Первый вариант драмы был завершен 8 июля 1923 г. в Домэн де Больё. В апреле 1924 г., в Берлине, перед публичным чтением «Полюса» на очередном заседании Союза русских театральных работников, Набоков сделал его новую редакцию (N84. P. 267; Б01.[1] С. 271). «Полюс» — первая драма Набокова, которая была переведена на иностранный язык. В июне 1924 г. Набоков пишет матери: «Карташевская сделала прекрасный перевод на немецкий "Полюса"» (BCNA.[2] Letters to Elena Ivanovna Nabokov. 14 июня 1924 г.). В архиве Набокова в Библиотеке Конгресса США нами была исследована рукопись перевода пьесы на немецкий язык («Der Pol»), однако в качестве его автора

---

[1] Сноски: 2.1

Б.Бойд. Владимир Набоков. Русские годы: биография. М.; СПб.: Независимая газета, Симпозиум, 2001.

[2] Сноски: 2.2

Vladimir Nabokov Archives // The W. Henry and A. Albert Berg Collection of English and American Literature. The New York Public Library.

указан «Bar. E. Rausch v. Traubenberg» (LCNA.[3] Box 12, fol. 12), то есть один из родственников Набокова, барон Е. Рауш фон Траубенберг.

Участники английской экспедиции к Южному полюсу на обеде в честь дня рождения капитана Р. Скотта (в центре) 6 июня 1911 г. Публикуется по изданию: Scott's Last Expedition. The Personal Journals of Captain R. F. Scott, R. N., C. V. O., on Ms Journey to the South Pole. London: John Murray, 1929

---

[3] Сноски: 2.3

Vladimir Nabokov Archives // Collection of the Manuscript Division, The Library of Congress. Washington, D. C

Источником драмы послужила книга: «Scott's Last Expedition. The Personal Journals of Captain R. F. Scott, R. N., C. V. O., on his Journey to the South Pole. London, 1913» («Последняя экспедиция Скотта. Личные дневники капитана Р. Ф. Скотта, военно-морской флот Великобритании, кавалер ордена Королевы Виктории 2-й степени, о его путешествии на Южный полюс»), которую Набоков предположительно читал на юге Франции (N84.[4] Р. 10). Еще раньше Набоков видел дневники Скотта, выставленные в Британском музее, рядом с рукописью Диккенса и черновиком сонета Р. Брука (что описано им в эссе «Руперт Брук», см.: Н1.[5] С. 733). Однако с дневниками Скотта Набоков мог познакомиться еще до своего отъезда из России — например, по дореволюционному русскому изданию: Дневник капитана Р. Скотта / Пер. с англ. З. А. Рагозиной. М.: «Прометей», издательство Н. Н. Михайлова, б. г.

«Полюс» — первое произведение Набокова, полностью основанное на документальном

---

[4] Сноски: 2.4

V. Nabokov. The Man from the USSR and Other Plays. San Diego; New York; London: Bruccoli Clark / Harcourt Brace Jovanovich, 1984.

[5] Сноски: 2.5

В. Набоков. Русский период. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Симпозиум,1999. Т. 1.

материале; прием художественной об-работки путевых записей экспедиций Набоков развил впоследствии во второй главе «Дара». Для того чтобы показать, как соотносится фактический материал и вымысел в пьесе, приведем краткую историческую справку об экспедиции Скотта.

Роберт Фалкон Скотт (1868–1912) — английский первопроходец и исследователь Антарктиды, дважды возглавлял Британскую национальную экспедицию на Южный полюс. Во второй экспедиции (1910–1912) Скотт и его группа погибли. 17 января 1912 г. капитан Скотт, доктор Эдуард Уилсон, лейтенант Генри Боуэрс, капитан Лоренс Отс и старшина Эдгар Эванс достигли Южного полюса, где обнаружили норвежский флаг, установленный за месяц до этого группой Р. Амундсена. Возвращение полярников затянулось, и они сильно ослабли от цинги и голода. Первым умер от истощения Эванс, затем Отс ушел из палатки — и его больше не видели. В конце марта Скотт, Уилсон и Боуэрс, оставшиеся без еды и топлива, были вынуждены пережидать бурю в палатке, не дойдя всего 18 километров до промежуточного склада. Их тела и записи были найдены поисковой партией в октябре на шельфовом леднике Родса. Скотту поставлено

одиннадцать памятников в ряде стран; его имя носят горы, два ледника, остров и две полярные станции.

Согласно списку членов экспедиции, Р. Скотт, Г. Боуэрс, Л. Отс и Э. Эванс — офицеры, доктор Э. Уилсон — начальник научной группы, зоолог, окончивший Кембридж. Против его фамилии в списке значится «Cantab.» — сокращение от Cantabrigian — выпускник Кембриджского университета (см.: Scott's Last Expedition. L: John Murray, 1929. P. XXV); в 1920–1922 гг. Набоков, также изучавший в Кембридже зоологию, использовал псевдонимы Cantab и V. Cantaboff. Внимание Набокова, кроме того, могла привлечь фамилия единственного русского в составе береговой партии — Антона Омельченко (Ibid. P. XXVI). В раннем варианте пьесы, как указывает Д. В. Набоков, Скотт был выведен под именем Беринг, имена прочих персонажей также прошли ряд изменений и (за исключением Скотта) в окончательном виде не имеют ничего общего с именами реальных участников экспедиции (N84. P. 10–11).

(Слева направо) Л. Отс, Г. Боуэрс, Р. Скотт, Э. Уилсон, Э. Эванс на Южном полюсе 17 января 1912 г. (Scott's Last Expedition)

В России пьеса впервые была опубликована в 1989 г. («Полюс» В. Набокова и «Последняя экспедиция Скотта» / Публ., предисл. и коммент. Н.И.Толстой // Русская литература. 1989. № 1. С. 136–144). Н. И. Толстая указала в пьесе ряд параллельных мест к путевым дневникам Скотта. Выдержки из «Scott's Last Expedition» даются в нашем переводе (А. Б.).

А. Бабиков